

Независимая газета

Плохой сценарий

Революции у нас оказывались механизмом возвращения к авторитаризму и задержки движения к демократии

2010-06-09 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

В условиях загнивающих авторитарных режимов людей охватывают тоска, отчаяние и отвращение. В яркой форме это – чувства «критически мыслящего меньшинства», но в той или иной степени и выражаясь в разных идеологических формах, они постепенно распространяются в очень широких слоях. Они прячутся за конформизмом и цинизмом и разъедают режим изнутри. Так было при позднем царском режиме. Так было при поздней советской власти. И схожие чувства стали формироваться при путинской «стабилизации».

Чувство безнадежности усиливается именно тогда, когда ненавистные режимы уже пережили свою акме и их жизненный цикл приближается к концу. Это как бы признак начала конца, чувство безысходности – признак того, что исход близок. А в самом конце предреволюционные чувства безнадежности и отвращения естественно переходят в революционное нетерпение и стремление уничтожить все, связанное с «проклятым прошлым». Депрессивная стадия переходит в маниакальную. Но чем разрушительнее маниакальная стадия, тем глубже и дольше будет новая депрессивная.

Этот цикл чувств – психологический компонент наших циклов политического развития, которые каждый раз вели к срыву открывавшихся возможностей постепенного перехода к демократии, превращению провозглашенной в не готовом к ней обществе демократии в анархию и возвращению авторитаризма. Это – цикл чувств, соответствующий неготовности общества к жизни в правовой демократической системе. Революции у нас оказывались механизмом возвращения к авторитаризму и задержки движения к демократии (если использовать термин наивной горбачевской эпохи, они были механизмами торможения).

В начале XIX века, если судить по литературе и искусству, чувства отвращения и безнадежности были лишь в зародыше. А когда произошли «великие реформы» и мы были не так уж далеки от Конституции, самым честным и бескорыстным представителям русской интеллигенции казалось, что все безысходно, и единственная надежда – на убийство государя императора. А свергнутое в феврале 1917 года самодержавие уже и самодержавием-то не было. И может быть, единственным (конечно, совершенно теоретическим) шансом на дальнейшее демократическое развитие России в тот период было именно сохранение ненавистной монархии, которую всем так хотелось свергнуть и за которую не выступил ни один генерал.

В советском цикле чувства тоски и отвращения также стали доминировать, когда режим был уже совсем не кровавым, жизненный уровень был приличным и когда мы были недалеко от перестройки. А в ходе перестройки громадное число людей были убеждены, что если Горбачев не проклял Ленина и Октябрьскую революцию и не провозгласил капитализм, значит, ничего не изменилось. И опять-таки, если у нас был в то время шанс прямого, без погружения в новый авторитарный цикл, перехода к демократии, он скорее всего мог быть связан лишь с сохранением перестроенной советской власти лет еще хотя бы на пять–десять. Но все старались поскорее добить еле живого старика, мстя ему за свои страхи и чувство безнадежности и за свой конформизм.

Сейчас мы в третьем цикле. В нем все намного мягче и все намного быстрее. Акме постсоветского авторитаризма, очевидно, уже пройдена. Восходящее движение ко все большему контролю власти над обществом прекратилось. Обратное движение еще не началось, но уже наметилось. Провозглашена модернизация – функциональный аналог раннегорбачевского ускорения. Очевидно, даже у Путина к концу правления возникло ощущение бесперспективности дальнейшего подавления общества, а Медведев ясно провозглашает свой демократический идеал. И хотя вполне можно сомневаться в его способности воплотить этот идеал в жизнь, сомневаться в его искренности оснований нет.

Кажется, все, кто хочет видеть в будущем демократическую Россию, должны радоваться тому, что идеал президента совпадает с их собственным. Но особой радости незаметно: «Если он – не марионетка, то почему он до сих пор не прогнал Путина (то есть почему он не предал друга, которому обязан властью), не разогнал «Единую Россию» и не приказал немедленно оправдать Ходорковского?» Еще и перестройки-то нет, а чувства и настроения, сорвавшие перестроечную попытку перехода к демократии и вытолкнувшие наше общество в новый авторитарный цикл, уже налицо.

Демократия – норма нашего времени и энтелехия развития современных недемократических стран. И то, что России предстоит в относительно обозримом будущем еще одна попытка перехода к реальной демократии (будет ли она связана с деятельностью Медведева или произойдет как-то иначе), мне представляется неоспоримым. И есть много оснований надеяться на ее успех. Задачи, которые встанут перед обществом, будут легче – СССР и социалистической экономики уже нет. В какой-то мере мы, несомненно, сейчас более подготовлены к демократии, чем в 1991 году. Поэтому я не думаю, что опасность, происходящая от революционного нетерпения, на этот раз будет велика. Но все же она возникнет. И более того – исходя из всего нашего опыта можно сказать, что в этом и будет главная опасность.

Полностью избавиться от цикличности наших общественных настроений нельзя, да и не нужно. Как за судорожной общественной активностью конца 80-х – начала 90-х естественно следовали мертвенные нулевые годы, так за путинской «стабильностью» должен следовать новый всплеск эмоций и активности. И это очень хорошо, если только эти эмоции не будут слишком сильны, а активность – слишком судорожной, если они не будут, как в

начале 90-х, «несовместимы с демократией». Но для этого, как мне представляется, естественная эволюция общества, создающая основы для новой попытки и для ее успеха, должна сопровождаться определенной интеллектуальной работой. Нельзя (и не надо вообще) избавиться от предстоящего всплеска эмоций, но эти эмоции можно и нужно будет контролировать разумом.

Прежде всего надо четко понять, что все наше постсоветское развитие – естественное раскрытие того, что было заложено в 1991 году. У нас ведь не было никаких «реакционных переворотов», Путин – прямой наследник «отца русской демократии» Ельцина и, более того, активно поддерживавшийся в период своего прихода к власти правыми из СПС, и путинские нулевые – прямое продолжение 90-х. Путинизм – такое же естественное следствие 1991 года, как сталинизм – 1917 года. И дело не в «темном народе», мешавшем интеллигентным демократам вести его к светлому будущему. Дело именно в демократах, в сознании которых стремление к власти и к символической компенсации полностью подменили реальное содержание демократии – ведь именно они пришли в 1991 году к власти и затем тщательно и последовательно затапывали все ростки демократии. Они могли как угодно клясть русскую авторитарную традицию и русскую косность (большевики в свое время кляли еще больше), но эта традиция и косность проявлялись прежде всего в их сознании и их активности. И если в результате кризиса теперешней системы к власти придут люди с психологией, моралью и кругозором демократов 1991 года, это будет означать, что все может повториться.

И это и есть самый плохой сценарий нашего развития. Он даже хуже, чем перспектива сохранения еще на какое-то время теперешней «имитационной демократии». Ибо имитационно-демократические системы неустойчивы и недолговечны. Но циклы их разрушения и воссоздания могут быть очень длительными. И выйти из этих циклов, как говорит опыт многих стран, – значительно труднее, чем избавиться от какого-то конкретного авторитарного режима.